

ОНТОЛОГИЯ

УДК 111.1 + 141

М. А. Гусев

МЕТАОНТОЛОГИЯ ПИТЕРА ВАН ИНВАГЕНА И ЕЕ КОРНИ В ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена метаонтологии современного аналитического философа Питера ван Инвагена, а также поискам ее корней в аналитической традиции. Рассматриваются и анализируются выдвинутые Инвагеном тезисы о бытии, а также их значение для установления того, как можно вести онтологические споры, какие аргументы в них приемлемы, а какие нет. Прослеживается путь мысли о проблеме существования от Г. Фреге до У. Куайна, сделавший в итоге возможной формулировку Инвагеном своих тезисов о бытии. С учетом контекста работ Фреге, Рассела и Куайна осмысляются контраргументы Инвагена против майнонгианцев, неомайнонгианцев, а также представителей некоторых других традиций. Делается вывод о том, что без пути, проделанного в предшествующей аналитической традиции, метаонтология Инвагена была бы невозможна.

Ключевые слова: онтология, метаонтология, бытие, существование, Инваген, Фреге, Майнонг, Рассел, Куайн.

Термин «метаонтология» впервые стал использоваться современным аналитиком Питером ван Инвагеном. Метаонтология — это рефлексия над онтологическим вопросом «Что есть?». Насущность метаонтологического вопроса связана с тем, что от его решения будет зависеть то, как следует вести онтологический спор, какие аргументы можно в нем использовать, а какие — нет. Например, отрицая существование чего-либо, обязаны ли мы говорить, что хотя оно и не существует, но тем не менее как-то есть (иначе существование чего же мы отрицаем?), или мы избавлены от такой обязанности? Далее, можем ли мы отрицать существование чего-то в одном смысле, говоря о том, что оно все-таки существует, но существует в другом смысле? В каких случаях мы берем на себя обязательства в отношении существования чего-либо, а в каких — нет? Могут ли быть какие-то априорные, необходимые причины, которые заставят нас признавать существование чего-то, или у нас всегда останется логическая возможность отрицать существование

чего угодно? Ответы на такие вопросы зависят от ответа на метаонтологический вопрос: «Что мы спрашиваем, когда мы спрашиваем “что есть?”» [15], или «Что значит бытие?» [14].

Давая свой ответ на этот вопрос, Инваген формулирует пять тезисов о бытии: «бытие не деятельность», «бытие — то же самое, что и существование», «бытие однозначно», «единственный смысл бытия, или существования, адекватно отражается экзистенциальным квантором формальной логики» и последний тезис — тезис об онтологических обязательствах.

Излагая позицию самого Инвагена, которая сформулирована в последних четырех тезисах, я попробую проследить ее корни в предшествующей аналитической традиции. Анализ первого тезиса — «бытие не деятельность», а также полемики Инвагена с экзистенциально-феноменологической традицией, которую он осуществляет, излагая этот тезис, потребовал бы отдельного, большого исследования, которое не может быть осуществлено в рамках данной работы¹.

Формулируя второй тезис — «бытие — то же самое, что и существование», Инваген предлагает следующий пример: «Предположим, что я обсуждаю чьи-то онтологические заблуждения и говорю: “есть много вещей, в которые он верит, но которые не существуют”. На первый взгляд кажется, что я говорю, что есть вещи... которые не существуют» [Там же, 480]².

Здесь уместно обратиться к позиции Алексиуса Майнонга. Майнонг говорил о парадоксе, который требует какого-то разрешения: «имеются предметы, о которых было бы верно сказать, что предметов такого рода не существует» [4, 209]. Ведь действительно, как кажется, есть очень много вещей, которые не существуют. Например, Пегаса не существует. Что это значит? По Майнонгу это значит, что такой предмет, как Пегас, не существует. Но ведь это все равно предмет, предмет, который лишен свойства существования. Мы выносим суждение, у этого суждения есть предмет (о чем-то ведь мы говорим), этот предмет — Пегас, и о нем мы говорим следующее: «он не существует». Всякий предмет, говорит Майнонг, должен быть уже заранее как-то дан, чтобы мы могли вынести суждение о его бытии или небытии. Таким образом, для майнонгианцев существование — это свойство, которое может иметь

---

¹ Поскольку Инваген обращается к таким представителям экзистенциально-феноменологической традиции, как М. Хайдеггер и Ж. П. Сартр, было бы необходимо в рамках одной работы осуществить серьезное осмысление концепций этих философов, что сделало бы работу слишком большой для отдельной статьи. Беглое же, схематичное рассмотрение концепций этих мыслителей невозможно.

² Здесь Инваген приводит пример, близкий примеру, который приводил У. Куайн в самом начале статьи «О том, что есть»: «Предположим, что МакИкс утверждает, будто есть нечто, чего, как я считаю, нет. МакИкс может, в полном согласии со своей точкой зрения, описать наше расхождение во мнениях, сказав, будто я отказываюсь признавать некоторые сущности. Я, конечно, должен буду возразить, что он неправильно формулирует наше несогласие, поскольку моя позиция состоит в убеждении, что сущностей заявленного им вида нет и что мне просто нечего признавать; но то, что я считаю его формулировку нашего несогласия неправильной, не имеет значения, так как я в любом случае обязан считать ложными его онтологические взгляды. Но если, с другой стороны, я попытаюсь сформулировать различие наших взглядов, то, похоже, сам окажусь в затруднении. Я не могу признать, что есть нечто, существование чего МакИкс допускает, а я нет, поскольку мое признание того, что есть нечто, что он допускает, а я нет, будет противоречить моему собственному отрицанию этого нечего. Если бы это соображение было правильным, то в любом онтологическом споре отрицающая сторона страдала бы неспособностью признать свое несогласие с оппонентом» [1, 325].

или не иметь тот или иной предмет. Соответственно есть предметы существующие и несуществующие. Все каким-то образом есть, но кое-что из того, что есть, еще и существует. Существование, таким образом, это что-то, что имеют предметы только какой-то определенной категории, например, физические вещи, а все остальные предметы есть в каком-то другом смысле, например, как идеи в уме или еще как-то.

Возвращаясь к формулировке тезиса Инвагена «бытие — то же самое, что и существование», нужно отметить, что Инваген использует «бытие» и «существование» как абстрактные существительные, которые соответствуют глаголам «есть» и «существует», например, в таком высказывании, как «есть вещи, которые не существуют» [14, 480].

Инваген отрицает позицию, согласно которой есть несуществующие вещи. Бытие и существование — то же самое, и нет несуществующих вещей. Утверждать несуществование не значит иметь в виду бытие в каком-то другом смысле. Мы можем отрицать существование вообще, без того, чтобы полагать именование места вещью каким-то иным способом.

Каким образом Инваген отрицает майнонгианский подход? Дело в том, что он принадлежит к традиции в аналитической философии, которая дает совершенно иное понимание существования. Эта традиция берет начало в работах Фреге, продолжается Расселом и развивается Куайном.

Фреге говорил о необходимости четко различать понятие, выражаемое понятийным словом, и предмет, выражаемый собственным именем. Существование вообще не является свойством предмета. Утверждение существования не говорит о каком-то предмете, что он обладает свойством существования или статусом существующего предмета. А отрицание существования не говорит о том, что какой-то предмет не обладает этим свойством или лишен этого статуса. Существование вообще неправильно прилагать к предмету. Утверждение о существовании — это утверждение о понятии, а именно утверждение о понятии того, что оно не является пустым понятием, что под него что-то подпадает. В параграфе 53 «Основоположений арифметики»³, в работе «О понятии и предмете»⁴ и в некоторых других работах Фреге называет существование свойством понятия, поскольку оно говорит кое-что о понятии, а именно что оно не пусто⁵.

Фреге говорит, что существование схоже с числом в том смысле, что число тоже говорит нечто о понятии, а именно то, сколько предметов подпадает под это понятие. Существование же не что иное, как отрицание числа ноль: «...предложение, что не существует прямоугольного, прямолинейного, равностороннего

---

³ Фреге пишет: «Поскольку существование есть свойство понятия, онтологическое доказательство существования Бога не достигает своей цели» [11, 191].

⁴ «Я назвал существование свойством понятия. <...> В предложении “существует по крайней мере один квадратный корень из 4” высказывается что-либо не об определенном числе 2 и не о числе -2, а о некотором понятии, именно о понятии “квадратный корень из 4”, про которое говорится, что оно не пусто» [9, 258].

⁵ Здесь, возможно, следует сделать замечание, что утверждение «существование является свойством понятия» естественно не означает «понятие является существующим», по аналогии с тем, как если бы мы утверждали свойство, например «быть красным», по отношению к какому-либо предмету. Существование называется свойством понятия просто потому, что утверждение и отрицание существования — это высказывание о понятии, говорящее о том, подпадает ли под него что-то, а не высказывание о предмете.

треугольника, высказывает свойство понятия “прямоугольный, прямолинейный, равносторонний треугольник”; последнему прилагается число 0. В этом отношении существование имеет сходство с числом. Ведь утверждение существования есть не что иное, как отрицание числа ноль» [11, 191].

Выражение «листья на этом дереве — зеленые»⁶ принципиально отлично от выражения «на этом дереве тысяча листьев». «Зеленый» характеризует предмет. «Тысяча» никак не характеризует предмет, но говорит о том, сколько предметов подпадает под понятие «лист на этом дереве». Подобно этому существование также никак не характеризует предмет, ничего не прибавляет к понятию о нем, но говорит о том, что под данное понятие подпадает хотя бы один предмет.

Итак, существование — это не то, что можно утверждать и отрицать по отношению к предметам, деля предметы на существующие и несуществующие. Существование — как и его отрицание — правильно прилагать к понятию. Фреге пишет: «...то, что здесь высказывается о понятии, никак не может быть высказано о предмете; ибо собственное имя никогда не может быть выражением, обозначающим предикат, хотя оно может быть его частью. Я не хочу этим сказать: если высказанное о каком-либо понятии будет отнесено к какому-либо предмету, получится ложь; а хочу сказать, что это невозможно, что это не имеет смысла. Предложение “Существует Юлий Цезарь” не истинно и не ложно, оно не имеет смысла; хотя предложение “Существует некий человек по имени Юлий Цезарь” имеет смысл; но в последнем случае мы опять-таки имеем дело с понятием» [9, 259]. Чем отличаются эти две фразы: «Юлий Цезарь существует» и «Существует некий человек по имени Юлий Цезарь»? Последняя фраза утверждает, что есть нечто такое, что является человеком и является носителем имени «Юлий Цезарь». Это не утверждение, приписывающее какому-то предмету некое свойство существования. Это утверждение вообще не о предмете, а о понятии «человек по имени Юлий Цезарь», и утверждает оно непустоту этого понятия. Если существование понимается именно так, то есть предложение о существовании говорит о том, что есть нечто, что подпадает под понятие, есть нечто, что имеет свойства, соответствующие признакам данного понятия, то фраза «Существует Юлий Цезарь», в которой «Юлий Цезарь» понимается как собственное имя, обозначающее предмет, является бессмысленной.

По Фреге, предложение «Кентавров не существует» не содержит в себе никакого парадокса, как думал Майнонг, поскольку говорит не о том, что имеются какие-то несуществующие предметы, а о том, что под понятие «кентавр» не подпадает ни один предмет. Ни один предмет не обладает свойствами, которые соответствуют признакам понятия «кентавр». То же самое можно выразить, сказав, что все предметы таковы, что они не подпадают под понятие «кентавр».

Но как быть с Пегасом? Кажется истинным, а вовсе не бессмысленным сказать, что Пегаса не существует. Но «Пегас» не понятийное слово, а собственное имя⁷, призванное, как кажется, обозначать отдельный предмет.

⁶ Пример с листьями на дереве взят из параграфа 22 «Основоположений арифметики» [11, 162].

⁷ Как думал Фреге.

Можно, конечно, сказать, что предложение «Пегаса не существует» — это неправильно построенное предложение, поскольку утверждение и отрицание существования должно прилагаться к понятию, а не к предмету. Но ведь все-таки Пегаса никакого не было⁸.

В «Критическом освещении некоторых пунктов в Лекциях по алгебре логики Шредера» Фреге пишет следующее: «...надо четко различать два совершенно различных случая, которые легко смешать, так как в обоих говорится о существовании. В одном из них дело идет о том, обозначает ли что-либо собственное имя, является ли оно именем чего-то, в другом — охватывает ли понятие какие-то предметы или нет. Когда мы употребляем слово “существует”, мы как раз имеем второй из этих случаев» [8, 275].

Что касается имен собственных, под которыми Фреге понимает любые выражения, которые призваны обозначать отдельные предметы, то они могут иметь и не иметь значение, имея при этом смысл. Имя собственное «Пегас» имеет смысл, но не имеет значения.

Такие имена, по мнению Фреге, должны быть исключены из науки, хотя и могут встречаться в художественном творчестве. Предложения, в которые входят имена, не имеющие значения, не имеют истинностного значения, поскольку утверждается или отрицается что-либо о самом предмете, а не о смысле. Например, предложение «Одиссей высадился на берег Итаки крепко спящим» Фреге анализирует так, что «Одиссей» оказывается собственным именем, имеющим смысл, но не имеющим значение. А так как только о самом предмете можно утверждать или отрицать свойство, то названное выше предложение не истинно и не ложно, как и противоположное ему «Одиссей не высадился на берег Итаки крепко спящим» [10, 234].

Но что это за смыслы, которые могут иметь не имеющие значения собственные имена?

Здесь мы переходим к иному подходу к решению проблемы отрицательных экзистенциальных высказываний, связанному с именем Бертрана Рассела; к расселовскому ответу майнонгианцам, говорящим, что есть вещи, которые не существуют, и соответственно бытие и существование не то же самое.

Рассел отрицает, что слово «Пегас» и подобные ему слова являются собственными именами, призванными обозначать предмет.

Рассел делил наше знание на знание-знакомство и знание по описанию. Имена могут непосредственно обозначать предмет, только если они были установлены при знании-знакомстве.

---

⁸ Современный исследователь Карен Грин отмечает: «Наиболее существенная внутренняя сложность касается того факта, что Фреге также полагал, что значение определенных дескрипций или собственных имен — объект. Таким образом, хотя он мог анализировать выражения вроде “Кентавры существуют” как делающие ложное утверждение о понятии, что под него что-то подпадает, он был неспособен представить удовлетворительный анализ выражений типа “Хирон существовал”. Поскольку “Хирон” — это собственное имя и оно не имеет референции, это выражение выглядит как плохо сформулированное — согласно логике Фреге — или, в лучшем случае, не являющееся ни истиной, ни ложью» [13, 244].

В знании по описанию мы не знакомы с предметом, который описывается с помощью такого описания или, иначе, дескрипции. Дескрипция не обозначает никакого объекта непосредственно. Тем не менее мы понимаем дескрипцию, поскольку *то, из чего* она состоит, знакомо нам в знании-знакомстве⁹.

Неопределенная дескрипция «человек» подобно фрегевскому понятию не обозначает какого-либо человека. И определенная дескрипция «автор “Уэверли”» не обозначает определенного человека. Единственное различие между определенной и неопределенной дескрипцией состоит в том, что последняя указывает на единственность. Когда мы говорим, что «автор “Уэверли” существует», мы не говорим о каком-то определенном человеке, что это существующий человек. Мы говорим следующее: 1. Верно, что по крайней мере один объект написал «Уэверли». 2. Самое большее один объект написал «Уэверли».

«Пегас» не является собственным именем, которое обозначает объект, это скрытая определенная дескрипция. То, что мы действительно подразумеваем, когда понимаем слово «Пегас», — это свойства, скажем, «быть крылатым» и «быть лошадью». Отрицать существование Пегаса не значит отрицать статус существующего у некоторого предмета или отрицать значение у осмысленного собственного имени «Пегас». Отрицать существование Пегаса — значит отрицать, что имеется объект, который является крылатым и является лошадью одновременно.

Здесь отрицание существования означает, что одновременное обладание свойствами «быть крылатой» и «быть лошадью» не присуще никакой вещи. Нет такой несуществующей вещи, как «Пегас», просто ни одна вещь не удовлетворяет вышеназванным свойствам. Таким образом, сохраняется расселовское «здоровое чувство реальности»: все существует, но каждая вещь такова, что она не наделена одновременно названными ранее свойствами.

Теория дескрипций Рассела решает и проблему отсутствия истинностного значения у некоторых высказываний. Возьмем знаменитый пример Рассела о лысом короле Франции. Для Фреге «нынешний король Франции» было бы собственным именем, которое выражает смысл, но не обозначает значение. Тогда является ли истинным предложение «Нынешний король Франции лыс»? Кажется, оно должно быть либо истинным, либо ложным. Кажется также, что это предложение очевидно является ложным. Но тогда истинным должно быть обратное: «Нынешний король Франции не лыс». Однако ведь нет и не-лысого короля Франции. С точки зрения Фреге, поскольку здесь собственное имя не обозначает предмет, а утверждать или отрицать какое-то свойство можно только по отношению к самому предмету, оба этих предложения не истинны и не ложны. Рассел решает проблему иначе. Он пишет, что предложение «Нынешний король Франции лыс» ложно, поскольку означает «существует нечто, что является нынешним королем Франции и является лысым», а предложение «Нынешний король Франции не лыс» можно понимать

---

⁹ В работе «Знание-знакомство и знание по описанию» Рассел пишет: «Знание о том, что известно по описанию, в конце концов сводимо к знанию о том, что известно по знакомству. Фундаментальный эпистемологический принцип в анализе предложений, содержащих дескрипции, заключается в следующем: каждое предложение, доступное нашему пониманию, должно состоять целиком из конституэнтов, с которыми мы знакомы» [5, 450].

двойко. Если это предложение означает, что ни одна вещь не является нынешним королем Франции и лысой, то оно истинно. А если это предложение означает, что «существует нечто, что является нынешним королем Франции и не является лысым», то оно ложно [6, 19].

Здесь отрицание существования означает, что одновременное обладание свойствами «быть современным королем», «быть королем Франции» и «быть лысым» не присуще никакой вещи. Нет такой несуществующей вещи, как «нынешний король Франции», просто ни одна вещь не обладает указанной выше конъюнкцией свойств. Можно сказать иначе: все вещи не таковы.

Как мы видим, Рассел полностью соглашается с Фреге, что существование не является свойством предметов. Но Рассел увидел, что можно отрицать существование, когда имеется описание, указывающее на единичность.

Фреге называет существование свойством понятий, поскольку оно говорит о понятии, что под него что-то подпадает. Рассел называет существование свойством пропозициональных функций, поскольку существование говорит о том, что данная пропозициональная функция иногда истинна. В «Философии логического атомизма» Рассел пишет: «Сказав “Единороги существуют”, вы ничего не говорите об индивидуальных предметах, и то же самое применимо, когда вы говорите “Люди существуют”. Если вы говорите, что “Люди существуют и Сократ — человек, следовательно, Сократ существует”, то это та же разновидность ошибки, которую вы сделали бы, сказав: “Людей много, Сократ — человек, следовательно, Сократов много”, потому что существование является предикатом пропозициональной функции или, производно, класса» [7, 59]. Почему происходит такая ошибка? «Люди существуют» понимается здесь так же, как и «Люди смертны». Но эти фразы радикально отличаются друг от друга по своей форме. Вторая фраза утверждает, что если нечто является человеком, то оно является смертным. «Быть смертным» — это то, что может быть применимо к индивидуумам. Все люди смертны, Сократ — это человек, значит, и Сократ смертен. В противоположность этому фраза «Люди существуют» утверждает, что по крайней мере один объект обладает свойством «быть человеком». Одним из таких объектов является Сократ. «Существует» не может быть применимо к объектам, поскольку существование на самом деле говорит, что данным свойством — «быть человеком» — обладает хотя бы один объект.

Это достаточно близко утверждению Фреге, что предложение «Юлий Цезарь существует» не истинно и не ложно, а бессмысленно, поскольку существование не свойство предметов. Но близость позиции Рассела к позиции Фреге имеет место только в том случае, если речь идет, говоря словами Рассела, о логических собственных именах. Если «Юлий Цезарь» не просто грамматически, но и логически собственное имя, то тогда оно действительно именуется некий предмет и говорить о существовании здесь бессмысленно.

Но возьмем другой пример, который приводит Рассел: «Ромул не существует». Рассел утверждает, что это совершенно осмысленное высказывание. Это потому, что оно не утверждает (или отрицает) нечто о каком-то предмете «Ромул», оно отрицает нечто об определенной дескрипции. «Ромул», согласно Расселу, это

скрытая определенная дескрипция. То, что мы действительно подразумеваем здесь, — некоторые свойства, скажем, свойства, которые приписывал ему Тит Ливий. Так вот, когда мы отрицаем существование Ромула, мы говорим, что либо ни одна вещь не обладает данными свойствами, либо данными свойствами обладает больше чем одна вещь [7, 68–69]¹⁰.

Таким образом, в выражении «Ромул не существует» существование также не является свойством предметов, как и в выражении «Единорогов не существует». Рассел пишет: «Прошлый раз я указывал на ошибку в выражении “Люди существуют, Сократ — человек; следовательно, Сократ существует”. Когда я говорю: “Гомер существует, это — Гомер; следовательно, это существует”, то это ошибка того же самого типа. Аргумент “Это — автор поэм Гомера, и автор поэм Гомера существует; следовательно, это существует” совершенно ошибочен» [7, 78]. «Гомер» здесь не собственное имя, а скрытая определенная дескрипция, то есть речь идет о некоторых свойствах, о которых осмысленно утверждать и отрицать, что есть нечто, ими обладающее. «Это», согласно Расселу, логически собственное имя, а значит, оно указывает на некоторый предмет, следовательно, утверждение или отрицание существования по отношению к нему бессмысленно.

Гвидо Кюнг пишет: «Сначала Рассел решил, что несуществующее должно тем не менее как-то быть, иначе о нем невозможно было бы ничего сказать, в частности, нельзя было бы отрицать его существование. Поэтому он постулирует сферу бытия в дополнение к сфере существования» [3, 69]. Теперь, как мы видели, Рассел показал, что когда мы отрицаем существование, мы всегда, даже когда речь идет об описании чего-то единичного, отрицаем то, что имеется нечто такого-то и такого-то вида. То есть мы отрицаем не то, что какой-то предмет является существующим и, значит, есть предметы, которые не существуют, а то, что обладание такими-то и такими-то свойствами присуще хотя бы одному предмету. Нет несуществующих вещей, а бытие и существование — одно и то же.

Но из того, что бытие и существование — одно и то же, кажется, еще не следует, что когда мы говорим о бытии (или существовании) сущностей, относящихся к разным онтологическим категориям, мы употребляем бытие (или существование) в одном и том же смысле. Например, если мы говорим, что существуют числа больше миллиона и что существуют люди, не употребляем ли мы слово «существовать» в разных смыслах?

Ответ Инвагена — отрицательный, и третий тезис рассматриваемой здесь работы звучит так: «бытие однозначно».

Ранее мы рассмотрели, из чего исходил Инваген, когда утверждал, что бытие и существование — одно и то же. Бытие и существование разводят майнонгианцы, полагающие, что есть несуществующие вещи. Для Инвагена, мыслящего в традиции Фреге, Рассела и Куайна, несуществующих вещей нет, поскольку вопрос о существовании — это не вопрос наделения предмета статусом существующего

---

¹⁰ Поскольку предложение «Ромул существует» предполагает единственность, так как «Ромул» — определенная дескрипция, то отрицание этого предложения может означать не только то, что ни одна вещь не является такой-то и такой-то, но и то, что такой-то и такой-то является больше, чем одна вещь.

или отказа в таком статусе. Когда мы спрашиваем: «Существует ли?» — мы спрашиваем о том, является ли хотя бы один объект объектом интересующего нас вида. Есть, существует — значит один или больше объектов, объектов интересующего нас вида. Нет, не существует — значит интересующего нас вида ноль объектов.

Инваген, следуя Фреге в том, что существование тесно связано с числом, но отрицая, что существование корректно называть свойством понятия, говорит о том, что существование однозначно в том же смысле, что однозначно число. Числа 6 или 43 имеют то же самое значение вне зависимости от того, что считается с их помощью. Сущность применимости арифметики, пишет Инваген, состоит в том, что с помощью чисел можно считать все, что угодно, вещи любых видов, и смысл числа не меняется в зависимости от того, *что* мы считаем¹¹. А поскольку существование означает «не ноль» или «хотя бы один», то существование однозначно в том же смысле, что и однозначно число. Неважно, о каких объектах идет речь, утверждение существования всегда имеет один и тот же смысл [14, 482].

Можно подойти к той же самой мысли иначе. Говоря «люди существуют», мы утверждаем, что один или больше объектов являются человеком. Это ровно то же, что сказать «Не все — не человек». Последняя фраза точно так же выражает мысль о существовании людей, как и «один или больше объектов являются человеком». Но отрицание «не» и слово «все» также имеет один и тот же смысл, к чему бы мы их ни применяли. Инваген пишет: «Я должен заметить, в связи с этим вопросом, что “существует” (*‘there exists’*) не может быть определено только в терминах “все”/“каждый”; требуется также и отрицание: “существует F” эквивалентно “Не верно, что все — не F”. <...> Но знак отрицания, пожалуй, даже очевиднее однозначен, чем “все”» [Там же, 484–485].

Формулируя тезис «бытие однозначно», Инваген упоминает Г. Райла и Х. Патнэма, чьи высказывания по этому вопросу в том или ином смысле противоречат тезису Инвагена. Говоря о Райле, здесь интересно вспомнить замечание У. Куайна: «Есть философы¹², позволяющие себе не только абстрактные термины, но даже вполне безошибочную квантификацию абстрактных объектов (“существуют понятия, с которыми...”, “...некоторые из пропозиций которого...”, “...есть нечто, в чем он сомневается или во что верит”) и при этом вежливо отклоняющие в том же параграфе любое заявление о том, что такие объекты существуют. Под давлением они могут объяснить, что абстрактные объекты не существуют так, как существуют физические объекты. Различие, скажут они, не в том, что два вида объектов различаются — одни пространственно-временные, а другие нет, но в том,

¹¹ Это рассуждение интересно сопоставить с рассуждением Фреге в параграфе 24 «Основоположный арифметики». Прочитовав Локка и Лейбница, которые писали, что число применимо к предметам какого угодно вида, Фреге, говоря, что, в отличие от разнообразных свойств предметов, число применяется ко всему одинаково, пишет: «Было бы в самом деле удивительно, если бы свойство, абстрагированное от внешних вещей, без изменения смысла могло переноситься на события, представления, понятия. Эффект был бы тот же, как если бы намеревались говорить о плавких событиях, синих представлениях, соленых понятиях и вязких суждениях» [11, 164]. Но число, согласно Фреге, не являющееся свойством предмета, одинаково применялось бы и в случае, если бы мы считали события, и в случае, если бы мы считали представления, и в случае, если бы мы считали суждения.

¹² Куайн имеет в виду именно Райла.

что различаются два смысла слова “существуют”; а именно что нет абстрактных объектов в том смысле, в котором существуют конкретные объекты. Но в таком случае остаются две трудности — маленькая и большая. Маленькая трудность состоит в том, что философ, отказавшийся от абстрактных объектов, похоже, продолжает утверждать, что таковые в конечном счете существуют в том смысле “существуют”, который им подходит. Большая трудность состоит в том, что различие между существованием одного смысла “существует” для конкретных объектов и другого — для абстрактных и существованием только одного смысла “существует” для объектов обоих видов бессмысленно» [2, 272–273].

И Куайн, и Инваген сказали бы, что таким философам, как Райл, либо необходимо переформулировать свои предложения с экзистенциальным квантором, которые говорят о существовании абстракций так, чтобы они не говорили о существовании абстракций, либо просто признать существование абстракций, существование, которое имеет один и тот же смысл, что бы ни признавалось существующим, подобно числу, имеющему один и тот же смысл, что бы ни считалось. И если один философ говорит, что существуют только тела, а другой — что существуют абстрактные объекты, то слово «существует» не имеет различных значений при утверждении существования тел и абстрактных объектов. Все содержание находится в тех характеристиках, о которых мы говорим, что есть объекты, ими обладающие, но не в слове «есть»¹³.

Итак, бытие и существование — одно и то же, и нет несуществующих вещей, поскольку существование не то, что можно отрицать или утверждать по отношению к предмету, утверждение и отрицание существования относятся к вопросу «Верно ли, что один или больше объектов являются объектами такого-то вида?». Этим смысл вопроса о существовании исчерпывается. Такой вопрос, а также утвердительный или отрицательный ответ на этот вопрос всегда имеют один и тот же смысл, как число 1, или число 0, или любое другое число всегда имеют один и тот же смысл.

Здесь мы подошли к четвертому тезису Инвагена: «единственный смысл существования, или бытия адекватно отражается экзистенциальным квантором формальной логики». Он пишет: «...‘Эх х есть собака’ — это сокращение фразы “Верно, что по крайней мере одна вещь является собакой. И эта фраза не более чем многословный вариант фразы “Есть по крайней мере одна собака”. И, если тезис 2 верен, “Есть по крайней мере одна собака” эквивалентно “По крайней мере, одна собака существует” и экзистенциальный квантор выражает смысл

---

¹³ Ср. с рассуждением Фреге в «Диалоге с Пюньером»: «Отличие суждения “имеются (*es gibt*) люди” от суждения “имеется (*es gibt*) квадратный корень из 4” состоит не в этом “*es gibt*”, но в различии понятий “человек” и “квадратный корень из 4”» [12, 12]. И с рассуждением Куайна в статье «О том, что есть»: «Мы были склонны, употребляя слово “существовать” в согласии со здравым смыслом, говорить, что Пегас не существует, имея в виду только, что такой сущности нет. Если бы Пегас существовал, он, конечно, должен был бы находиться в пространстве и времени, но — только в силу того, что слово “Пегас” имеет пространственно-временные коннотации, а не потому, что такие коннотации имеет слово “существовать”. Если в нашем утверждении существования кубического корня из 27 отсутствует пространственно-временная координата, то причина этого в том, что кубический корень не является вещью пространственно-временного вида, а не в том, что наше употребление слова “существовать” двусмысленно» [1, 327].

обычного [слова] “существует” так же, как и обычный смысл [слова] “есть”» [14, 498].

С тем, что экзистенциальный квантор может в полной мере отразить смысл существования, согласились бы и Фреге, и Рассел, и Куайн.

Пятый тезис — тезис об онтологических обязательствах — Инваген формулирует, опираясь только на взгляды Куайна.

Рассел верил, что основа всего нашего знания, то, с чего все начинается, — это знание-знакомство, в результате получения которого и возникают подлинные собственные имена. Рассел утверждал, что если что-то действительно является именем, то оно по определению что-то именует, а если оно ничего не именует, то оно просто не является именем. В первом случае вопрос «существует ли?» никогда не встает. Вопрос «существует ли?» встает, только если мы имеем некоторое описание — набор свойств, о которых осмысленно спросить, существует ли предмет, который ими обладает, или нет. Но такие описания понимаемы нами именно потому, что то, из чего они состоят, знакомо нам в знании-знакомстве.

Куайн видел ситуацию уже иначе. Мы никогда не имеем никакого непосредственного знакомства с объектами, и никакие наши слова не указывают на что-то непосредственно, а понимание смысла выражений языка, как думал Куайн, возникает не благодаря указанию на объекты, а благодаря тому, что мы учимся их употреблять, наблюдая за поведением других людей, употребляющих те же выражения. Любое слово, считающееся именем, мы можем преобразовать в дескрипцию, а дескрипция может быть проанализирована так, что мы получим свойства. Относительно чего угодно мы можем утверждать, что существует нечто, что обладает такими свойствами, и отрицать, что существует нечто, что обладает этими свойствами.

По Куайну, мы сначала имеем научную теорию, которую считаем истинной, а затем выясняем, какого вида объекты должны существовать по этой теории. Мы выясняем это, преобразуя предложения нашей теории в предложения с экзистенциальным квантором.

«Быть, — говорит Куайн, — значит быть значением квантифицированной переменной». «Быть признанной сущностью значит не что иное, как считаться значением (value) переменной. <...> Переменные квантификации — “нечто”, “ничто”, “все” — охватывают всю нашу онтологию, какая только может быть; и мы осуждены принимать частное онтологическое допущение, если и только если заявленное допущаемое (presuppositum) должно считаться находящимся среди сущностей, охватываемых нашими переменными, для того чтобы сделать истинным одно из наших утверждений» [1, 335–336]. Это не помогает нам выяснить, что существует, но определяет то, как нужно вести споры о том, что существует.

Мы остаемся связаны только убежденностью в истинности нашей теории. Для того чтобы обнаружить онтологические обязательства нашей теории, мы должны перевести ее в выражения с экзистенциальным квантором и переменной. Только так мы можем взять на себя онтологические обязательства.

Мы никогда не бываем вынуждены брать на себя онтологические обязательства автоматически, волей-неволей, как это было у Майнонга, когда возникал вопрос: но о чем-то же мы говорим, когда отрицаем существование Пегаса?

Нас не вынуждают брать обязательства и в отношении существования свойств, если мы говорим, например, что существует нечто, что является красным. В этом случае, если мы считаем, что истинно, что существует нечто, что является красным, мы берем обязательства только в отношении индивидуальных красных объектов, но не в отношении красноты. Мы можем взять на себя обязательства и в отношении красноты, если скажем, что существует нечто, что является такой универсалией, как краснота. Но мы не обязаны этого делать просто автоматически, волей-неволей. Куайн пишет, что существует «различие между конкретными общими терминами, такими, как “круглый”, и абстрактными единичными терминами, такими, как “круглость”» [2, 272]. Непонимание этого различия приводит к мнению, будто если мы утверждаем, что существует нечто, что является круглым, то мы должны признавать существование универсалии. Поскольку быть — это только быть значением связанной переменной, то выражение «существует нечто, что является круглым» сообщает о существовании круглого объекта, но не о существовании круглости. А вот выражение «существует нечто, что является такой универсалией, как круглость» сообщает о существовании определенного вида универсалии.

Также мы не можем утверждать необходимость взятия на себя онтологических обязательств в отношении феноменов субъективного опыта или чувственных данных просто потому, что мы непосредственно с ними сталкиваемся. По Куайну, мы не знаем непосредственным образом, с чем мы сталкиваемся: «Так, интроспекцию можно рассматривать как освидетельствование своего собственного телесного состояния, как наблюдение за кислотностью желудка, даже несмотря на то, что наблюдатель имеет смутные представления о медицинских деталях» [Там же, 297].

Можно сказать, что то, как Куайн решает проблему ведения онтологических споров, позволяет не множить сущности без надобности, но вот в чем состоит надобность — это уже второй вопрос. Для Куайна надобность может состоять в одном, а для Инвагена совсем в другом: первый — натуралист, а второй совсем не натуралист. И Куайн, и Инваген считают, что задача онтологии — выяснение того, какого вида объекты существуют, например, существуют ли универсалии или только физические тела. Вопросы онтологии являются просто более общими по сравнению с вопросами других наук. Куайн в качестве онтологии отдаст предпочтение физикализму и пытается показать, как можно переформулировать значимые предложения науки, которые предполагают онтологические обязательства в отношении абстрактных объектов, в предложения, которые предполагают онтологические обязательства только в отношении физических объектов: «Можно позволить себе пожертвовать некоторыми из несомненно систематических выгод абстрактных объектов взамен двойного приобретения: устранения менее желательных объектов и устранения радикального дуализма категорий. В такого рода программе главная проблема — как сказать то, что хочется сказать о физических объектах, не привлекая при этом в качестве вспомогательных средств абстрактные

объекты» [2, 301]. То есть сказать так, чтобы квантифицированные переменные указывали лишь на физические объекты и не указывали на абстрактные.

Инваген соглашается с Куайном в отношении того, как нужно решать онтологические споры: «Стороны такого спора должны рассмотреть или быть готовы в принципе рассмотреть онтологические следствия всего, что они хотят утверждать. И это рассмотрение должно состоять из ряда попыток перевести то, что они хотят утверждать, в форму идиомы с квантором и переменной (*'the quantifier-variable idiom'*). <...> Стороны спора, которые не готовы принять какие-то онтологические следствия перевода в идиому с квантором и переменной тезиса, который они утверждали, должны найти какой-то другой способ перевода этого тезиса в идиому с квантором и переменной (должны найти парафраз), который они готовы принять и который не имеет нежелательных следствий» [14, 506]¹⁴.

Соглашаясь с тем, каким способом необходимо решать онтологические споры, а какие аргументы в них неприемлемы, Инваген не соглашается с Куайном в отношении того, что есть. Но предметом рассмотрения в статье Инвагена является не онтологический вопрос, а метаонтологический: «Что значит бытие?».

Разобрав последние четыре тезиса Инвагена, мы можем увидеть, как он отвечает на этот метаонтологический вопрос.

Существование не особое свойство, которое имеют одни вещи и не имеют другие. Утверждение существования означает, что одна или больше вещей действительно являются вещами того вида, о котором мы спрашивали. Существование, так понимаемое, всегда имеет один и тот же смысл, как число всегда имеет один и тот же смысл, независимо от того, к чему оно применяется. В формализованном виде предложения о существовании — это предложения с экзистенциальным квантором. Единственный способ вести споры о том, что есть, это сопоставлять научные теории, переводя их предложения в предложения с экзистенциальным квантором и обнаруживая тем самым их онтологические обязательства. Говорить о том, что есть, минуя научные теории, невозможно.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что выводы, к которым приходит Инваген, отвечая на метаонтологический вопрос, имеют свои основы в работах таких философов, как Г. Фреге, Б. Рассел и У. Куайн. Следовательно, без пути, проделанного в этих работах, формулировка тезисов Инвагена была бы невозможна.

-
1. Куайн У. В. О. О том, что есть // Куайн У. В. О. Слово и объект. М., 2000. С. 225–242.
  2. Куайн У. В. О. Слово и объект. М., 2000.
  3. Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999.

---

¹⁴ Вспомним то, что мы говорили, разбирая тезис «бытие однозначно». Райл, говоря, что «существуют понятия, которые...», и по Куайну, и по Инвагену, берет на себя онтологические обязательства в отношении понятий. В то же время он отрицает, что «существуют» здесь имеет тот же смысл, что и в утверждении существования физических объектов. И по мнению Куайна, и по мнению Инвагена, если Райл не хочет признавать существования понятий, то он должен перефразировать то, что он хочет сказать, таким образом, чтобы не брать на себя онтологических обязательств в отношении понятий.

4. Майнонг А. О теории предмета // Эпистемология & философия науки. 2011. Т. 27, № 1. С. 202–229.
5. Рассел Б. Знание-знакомство и знание по описанию // Рассел. Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000. С. 444–459.
6. Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 7–22.
7. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999.
8. Фреге Г. Критическое освещение некоторых пунктов в Лекциях по алгебре логики Шредера // Фреге Г. Логика и логическая семантика : сб. тр. М., 2000. С. 263–277.
9. Фреге Г. О понятии и предмете // Там же. С. 253–263.
10. Фреге Г. О смысле и значении // Там же. С. 230–247.
11. Фреге Г. Основоположения арифметики // Г. Фреге. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008. С. 125–239.
12. Фреге Г. [О существовании. Диалог с Пюньером] // Г. Фреге. Избранные работы. М., 1997. С. 7–25.
13. Green K. Frege on existence and non-existence // THEORIA. 2015. № 81. P. 293–310.
14. Inwagen P. van. Being, Existence and Ontological commitment // Metametaphysics. New Essays on the Foundations of Ontology. Oxford, 2009. P. 472–507.
15. Inwagen P. van. Meta-ontology // Erkenntnis 48. 1998. P. 233–250.

Рукопись поступила в редакцию 26 ноября 2018 г.